

Слово молодым политологам

УДК 323.3

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Кучеров

Саратовский государственный университет
E-mail: alekskuchеров@mail.ru

В данной статье исследуются различные аспекты политической идентичности военнослужащих, отраженные в научных исследованиях в постсоветской России. На основе анализа существенного пласта литературы выявлены наиболее кризисные явления во взаимоотношениях армии и общества, рассмотрены их различные оценки, имеющиеся в научных исследованиях, обозначены важнейшие аспекты проблем политической идентичности военнослужащих, требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова: политическая идентичность военнослужащих, факторы политической идентификации военнослужащих, «силовики» как субъекты политики, публичная политика.

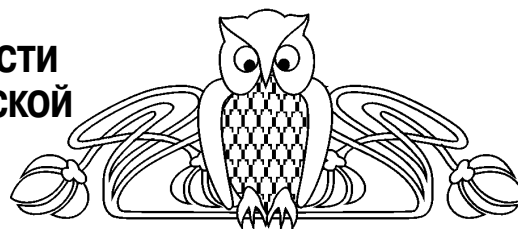
Problems of Servicemen Political Identity in Modern Russian Social Literature

A.V. Kuchеров

In this article different aspects of servicemen political identity described in the researches made in the post-Soviet Russia are investigated. Having analyzed a considerable amount of works the author found out the most crucial phenomena in the relationships between the army and society, considered different estimation of these phenomena by researches, and determined the most important aspects of servicemen political identity problem, which need further studying.

Key words: servicemen political identity, factors of servicemen political identity, «powermen» as subjects of politics, participation in politics.

Одной из важнейших проблем постсоветского периода развития российского общества является кризис идентичности. По мнению немецкого исследователя В. Хесле, «сущностью кризиса коллективной идентичности являются: распад коллективной памяти, утрата веры в будущее, несоответствие представлений культуры о самой себе и ее восприятием другими культурами, чувство неполноценности перед другой культурой»². На наш взгляд, особенно опасным для стабильности политической системы и всего общества является кризис идентичности такой специфической социальной группы, как военнослужащие. Разрушение традиционного статуса военнослужащих в обществе, изменение его восприятия другими социальными группами, ухудшение уровня жизни, постоянное реформи-

рование армии, отсутствие стабильности привели к существенному изменению политической идентификации и самоидентификации представителей Вооруженных сил РФ.

При этом значимость политического ресурса силовых структур, на наш взгляд, намного превышает их статистические показатели. Обусловлено это тем, что его количественные и качественные характеристики включают не только собственно кадровый ресурс «силовиков» (численность личного состава, семей кадровых «силовиков», военных пенсионеров и др.), но и ресурс представительства «силовиков» в различных органах государственной власти и в бизнесе. Важную роль играет также наличие у «силовиков» мощного культурно-образовательного комплекса (прежде всего, своей системы профессионального образования), с помощью которого возможно внедрять в сознание отдельных групп граждан определённые политические установки и воспроизводить в обществе культурные ценности корпоративного характера³.

В целом, по самым скромным подсчетам, вместе с семьями военные и отставники, работники оборонного комплекса и правоохранительных органов составляют 15–20 млн чел.⁴, т.е. примерно 20% от общей численности всех граждан, наделённых избирательными правами. Таким образом, проблема политической идентичности российских военнослужащих и всех представителей «силового» сегмента российского общества представляется весьма актуальной и социально значимой.

Не случайно, что различные аспекты данной темы вызывают интерес российских исследователей. К сожалению, изучение данной темы отягощено идеологическим и политическим фактором, доминирующим в позиции многих исследователей. Особенно заметно, на наш взгляд, его воздействие в рамках либерального спектра.

Например, в материалах круглого стола, в рамках дискуссии в ходе заседания фонда «Либеральная миссия», главным предметом обсуждения участников стало не реформирование армии, а проблемы «российского милитаризма» не только с материально-вещественных и политических позиций, но и как особая система представлений, взглядов и ценностей, прочно укоренившихся в сознании россиян. Сам термин

«милитаризм» изначально выдает заданный ракурс обсуждения, суть которого заключается не просто в критике, но и в осуждении российской армии. Поэтому участники обсуждения не просто рассматривают исторические предпосылки формирования феномена российского милитаризма, особенности функционирования ВПК на разных этапах развития страны, но акцент делают на вопросах «отягощения милитаристским синдромом управленческих решений», на специфике «милитаристского сознания» в современном российском обществе и т.д.⁵

В качестве типичного представителя либерально ориентированных исследователей российской армии можно выделить Л. Гудкова⁶, который утверждает, что определяющим моментом в характере самолегитимации современной власти «является мотив “угроза врага”, остаточный рефлекс милитаристского, мобилизационного и закрытого тоталитарного общества». По мнению автора, функциональный императив «государственной безопасности» стал усиливаться и проявляться в ситуации, когда внешняя обстановка в мире для страны была на редкость благополучной и мирной⁷. Армия в глазах коммунистических вождей представляла собой модель оптимального общественного устройства, причем модель организации универсального применения, простой и всем понятный образец целевого массового управления, основанного на жесткой иерархии, централизованном репрессивном контроле, монополии средств принуждения, слабой функциональной дифференциации, дисциплине, на подавлении индивидуальной автономии и свобод, отсутствии информационного разнообразия⁸.

Л. Гудков утверждает, что «армия как государственная организация насилия воплощала в себе основные ценности советского общества и связанные с ними механизмы коллективной идентичности»¹⁰. Отсюда, по его мнению, вытекает принципиальное различие в идентификации членов общества: «если современные западные общества формировались в процессах институционализации таких ценностей, как индивидуальная автономия (частная собственность, неприкосновенность прав человека), гетерогенность убеждений и верований, свобода, толерантность, и соответственно конституционного утверждения социальных механизмов, необходимых для репрезентации и защиты подобных значений и образцов действия (в виде рынка, парламента, многопартийности, независимого суда), то советское общество, изначально строилось как глубоко консервативное, охранительное, не допускающее ценностного разнообразия и имманентных инноваций, идущих от частного и автономного субъекта»¹¹.

На наш взгляд, такая политизированная оценка места и роли армии в российском обществе не имеет ничего общего с объективностью и конструктивностью. Безоглядная ориентирован-

ность на западные стандарты и критерии, с одной стороны, не имеет ничего общего с конкретно-историческими обстоятельствами, которые обуславливали особую роль армии в России на протяжении столетий. С другой стороны, заимствованные стандарты не позволяют провести реформирование силовых структур, адекватное не только современным задачам обеспечения внутренней и внешней безопасности страны, но и специфическим социокультурным условиям полиэтничной и поликонфессиональной России.

В.В. Серебрянников утверждает, что большинство людей питает отвращение к войне, даже боится ее. По его мнению, до трех четвертей специально подготовленных солдат во время боя действуют безотчетно и бессмысленно, подвержены страху, панике и бегству, а дезертирство – массовое явление, особенно военных кампаний XX века. Автор считает, что как устойчивый призыв, побуждение, воинственность складывается в условиях войн и военной деятельности через систематическое повторение военно-агрессивных действий, воспитание и пропаганду воинственных идей и нравов, через «культуру войны». В XX в. десятки народов испытывали колебание от воинственности к миролюбию и затем снова к воинственности. Несомненно, полная демилитаризация находится за доступным временным горизонтом, вместе с тем решение проблем на этом пути видится как исключительно коллективное дело мирового сообщества, которому все более способствуют развитие мировых связей, коммуникаций, средств массовой информации, а также процесс глобализации¹². Как представляется, война в Ираке и Афганистане, непрекращающиеся военные конфликты в самых различных точках земного шара, нарастание производства и постоянное технологическое совершенствование вооружений дают мало оснований для таких оптимистических прогнозов.

Имеются и более мягкие «либеральные» трактовки взаимоотношений армии и общества в современной России. Например, А. Левинсон, рассматривая изменение социализирующей роли армии в последние десятилетия в России, констатирует стремление армии к сохранению давления на общество через удобные ей трактовки понятия «сильное государство»¹³. Автор исследует роль демографической ситуации как фактора повышения ценности жизни каждого человека в переменах в отношении к армии как институту и обосновывает необходимость перехода от доминирования в обществе концепции мужской силы «как агрессии» к концепции мужской силы «как способности контролировать себя и обстоятельства».

Отдельно можно выделить исследования Н.Ю. Даниловой, посвященные различным аспектам взаимодействия армии, государства и общества. В своей монографии¹⁴ автор рассматривает классические и современные взгляды в этой области, выявляет основные проблемы форми-

рования сбалансированных гражданско-военных отношений, оценивает различные механизмы осуществления гражданского контроля за армией и другими силовыми структурами, анализирует реформирование военного профессионализма и реагирования институтов гражданского общества на изменения в политике безопасности и обороны. Для нашей темы особый интерес представляет статья Н.Ю. Даниловой, в которой проводится анализ типов «мужественности» разных социально-профессиональных категорий военнослужащих¹⁵. В качестве теоретической рамки использованы концепции Р. Коннела о множестве форм выражения мужественности и концепция военного профессионализма С. Хантингтона. Цель – представить разнообразие типов мужественности военнослужащих, проанализировать ресурсы и «конфигурации социальных практик», представляющие тот или иной тип мужественности. Эмпирическую базу для анализа составили автобиографические литературные произведения участников современных войн. Тексты участников современных войн разбиваются на три группы в зависимости от статуса автора текста: тексты «срочников» – солдат срочной службы; тексты «пиджаков» – лейтенантов, призванных в армию после окончания института; тексты профессионалов – кадровых военнослужащих.

Отдельно Н.Ю. Данилова рассматривает соотношение категорий инвалидности и мужественности. С одной стороны, автор реконструирует, как участники боевых действий представляют себе карьеру инвалида-мужчины, не имея опыта инвалидности. С другой – рассматривает, как в реальности изменяются жизненные стратегии инвалидов-мужчин, вынужденных подтвердить свою принадлежность к миру «гегемонной мужественности». Исследование построено на основе качественного анализа материалов биографических интервью с инвалидами войны в Афганистане, текстов биографических и художественных произведений военнослужащих и инвалидов войны¹⁶.

Указанные публикации автора, равно как и другие¹⁷, имеют важное значение для исследования нашей темы, так как помогают выработать и применить методику анализа механизмов идентификации и специфическую идентичность военнослужащих как особой социальной группы.

Важную роль играют также исследования особенностей образа современной российской армии в массовом сознании граждан России¹⁸. Авторы констатируют, что усиления государственных органов, направленные на формирование положительного имиджа российской армии, носят разрозненный характер и наличие стереотипизации и мифологизации в восприятии облика армии массовым сознанием. Ряд исследователей утверждают, что образ Вооруженных сил в современных условиях становится одной из главных мишеней психологической борьбы и обосновывают необ-

ходимость целенаправленного и эффективного формирования имиджа ВС РФ. Например, в работах Д.Г. Давыдова¹⁹ имидж Вооруженных сил России в молодежной среде рассматривается как особый объект социально-психологического воздействия. Для нашего исследования особенно важным является то обстоятельство, что автор изучает проблему корпоративного имиджа армии, социально-психологические характеристики молодежи как субъекта имиджа, особенности имиджа Вооруженных сил России в обыденном сознании молодежи во взаимосвязи с идентичностью молодежи и ее установками на военную службу.

Формирование неадекватного отношения представителей подрастающего поколения к службе в армии, как важнейшая социальная проблема, также занимает важное место в исследованиях различных авторов²⁰.

По мнению большинства авторов, уже в 1990-е гг. наблюдается напряженность ситуации с подготовкой призывников к военной службе, ухудшение качественных характеристик молодого пополнения армии и флота. Военная служба перестает пониматься молодыми людьми как долг перед Родиной. Среди причин потери престижа военной службы отмечается деструктивная позиция СМИ, социально-экономические проблемы военнослужащих, девальвации в обществе господствовавших ранее ценностей²¹. С.С. Соловьев, исследуя социальные последствия потери военнослужащими привычного для них высокого материального статуса (рост инфляции в начале 1990-х гг. опережал индексацию денежного довольствия на 3–4 месяца), отмечал, что у российского общества была вполне реальная угроза потерять армию и стать заложником политической ситуации в стране²².

Некоторые исследователи видели выход в установлении контроля со стороны общества и политических институтов над Вооруженными силами и силовыми структурами. По мнению В.М. Анисимова, контроль над военными структурами должен включать институциональный контроль, осуществляемый парламентом и правительством, специальный контроль, осуществляемый специальными вневедомственными федеральными органами, собственно социальный контроль, субъектами которого могут выступать различные организации и структуры гражданского общества²³.

В целом, говоря о месте армии в жизни общества в 1990-е гг., исследователи отмечали противоречивую ситуацию: с одной стороны, армия занимала первое место по уровню доверия граждан в сравнении с другими институтами общества, а с другой – до 80% призывников не желали служить²⁵.

В.В. Серебрянников, проведя сравнительный анализ представлений о проблемах войны и армии в массовом сознании разных стран мира, констатировал повсеместный рост пацифизма

в этот период²⁶. По данным автора, имел место более низкий уровень доверия к армии в России по сравнению с соответствующими показателями в США и в целом по странам НАТО.

По мнению Р.П. Климентьева, среди социально значимых параметров прохождения обязательной военной службы, по сути, единственно привлекательным для молодежи является возможность бесплатного обучения в армии профессии, нужной на «гражданке». Подобные намерения использовать время нахождения на действительной службе исключительно для развития личных возможностей – свидетельство узости ее социального диапазона в глазах большинства призывников²⁷.

В. Шевцов обращает внимание на возрастание среди юношей призывного возраста числа «отказников» и лиц, уклоняющихся от прохождения военной службы²⁸. Автор провел по данной проблеме два социологических исследования среди школьников Тюмени, а также студентов пяти тюменских вузов в период прохождения ими учебно-полевых сборов. Полученные данные были сопоставлены с результатами подобного опроса в 1984 году. Сравнение показало, что за 20 лет в 3,4 раза сократилось число школьников, и в 46 раз – студентов, проявляющих готовность к добровольному прохождению военной службы. Автор отмечает, что основными трудностями армейской службы школьники и студенты считают «неуставные отношения», а также большие физические и нервные нагрузки.

Проблема «дедовщины» занимает особое место в исследованиях проблем взаимоотношений общества и армии²⁹. По мнению А.Ю. Солнышкова, «дедовщина» как социальный феномен содержит в себе два начала: личностное (присутствие в воинских подразделениях индивидов с признаками доминирующей дефицитарной личности) и организационно-управленческое (удобный для части офицерства стиль управления воинским коллективом через «порученцев-дедов»). Исходя из данного постулата, автор выделяет основные факторы, статистически характеризующие «дедовщину» и обосновывает необходимость опережающего моделирования этого одиозного неформального социального процесса³⁰.

С.В. Тарасов обращается к социальной группе, представленной солдатами срочной службы, для выявления того, как связаны внешние черты и стереотипы поведения людей с установками и нормами жизни, доминирующими в армейской социокультурной среде³¹. Важнейшим фактором, определяющим специфику идентификации военнослужащих и мотивацию их поведения, по мнению автора, выступает высокий темп социально-психологических изменений, обусловленный быстротой смены «поколений» военнослужащих. В то же время автор подчеркивает, что армия – одна из немногих сфер, где в современном обществе можно наблюдать символ и ритуал в жесткой взаимосвязи с социальным контекстом.

Немногие работы посвящены анализу проблем, непосредственно или косвенно касающихся отдельных аспектов политической идентификации военнослужащих.

Диссертация Ю.В. Гуськова посвящена анализу места и роли армии в системе взаимоотношений государственных структур и институтов гражданского общества в современной России³². В монографии А.А. Бабанова рассмотрены взаимосвязи политической власти и силовых институтов государства, а также различные модели их взаимодействия в странах с различными типами политических режимов³³. В.И. Самойлов проанализировал изменение политической идентичности военнослужащих в контексте изменения функциональности современной российской армии³⁴. И.Г. Мосягин раскрывает особенности политической идентичности военнослужащих-контрактников[□]. В статье Р.Ю. Полякова рассматриваются проблемы казарменного поведения курсантов военных вузов, основные причины их возникновения в курсантской среде[□]. В.В. Бондалетов предпринял попытку исследовать степень интереса военнослужащих к деятельности общественных объединений, а также определить их готовность одобрить или даже поддержать возможные протестные акции в защиту своих прав и интересов. Согласно данным автора, 97,5% опрошенных не доверяют никаким из существующих общественных объединений, 84,2% положительно относятся к идее создания в их воинской части профобъединения. Наибольшую их обеспокоенность вызывают низкий уровень денежного довольствия, отсутствие собственного жилья, слабая социально-правовая защищенность. Тем не менее, автор констатирует, что недовольство службой в армейской среде проявляется в основном пассивно и очень редко, лишь в крайних случаях перерастает в открытые протестные действия[□].

В целом проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: несмотря на то, что в обществоведческой литературе проблемам роли силовых структур в российском обществе посвящено достаточно большое количество работ, специфика политической идентичности военнослужащих исследована недостаточно. В первую очередь это касается изучения факторов, определивших эволюцию политической самоидентификации представителей силовых структур. Недостаточно рассмотрено воздействие последствий реформирования Вооруженных сил в современной России на политическую идентификацию военнослужащих и членов их семей. Мало внимания уделено специфике политической идентичности и соответствующей политической ресурсности работников оборонно-промышленного комплекса.

Анализ данных проблем позволит с научных позиций оценить перспективы и направленность политического участия военнослужащих и всех, кто в той или иной степени имеет схожие с ними идентификационные признаки.

Примечания

- 1 Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 121.
- 2 См.: Суслов Ю.П., Петров Д.Е. Политическая ресурсность силовых структур и военная реформа 2008–2012 гг. в современной России // Политические проблемы современного общества. Саратов, 2009. Вып. 10.
- 3 См.: Мухин В. Равнение – на избирательные урны (Армия может решить исход выборов в России) // Независимое военное обозрение. 2008. 17 авг.
- 4 Круглый стол «Российский милитаризм – препятствие модернизации» // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 55–66.
- 5 Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие // Вестник общественного мнения. 2003. № 1 (67). С. 28–44; № 2 (68). С. 35–51; URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.2/09.pdf>. С. 157–208. (дата обращения: 02.09.2009).
- 6 Там же. С. 183.
- 7 Там же. С. 194.
- 8 Там же.
- 9 Там же. С. 194–195.
- 10 См.: Серебрянников В.В. От воинственности к миролюбию // Социс. 2002. № 5. С. 81–88.
- 11 См.: Левинсон А. Армия как институт социализации // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 63–70.
- 12 См.: Данилова Н.Ю. Армии и общество: принципы взаимодействия. СПб., 2007
- 13 См.: Данилова Н.Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы: разные мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII, № 2 (31). С. 110–126.
- 14 См.: Данилова Н.Ю. Трансформация мужественности в проективной и реальной карьере инвалида войны // Гендерные исследования. 2001. С. 259–271.
- 15 См.: Данилова Н.Ю. Конструирование военного синдрома: «вьетнамский» и «афганский» синдром // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. Под ред. И.О. Ермаченко, Л.П. Репиной. М., 2005. С. 231–248.
- 16 См.: Новик В.К., Передня Д.Г. Имидж современной российской армии глазами молодежи // Социс. 2006. № 11. С. 101–107.
- 17 См.: Давыдов Д.Г. Социально-психологические особенности имиджа Вооруженных Сил России в молодежной среде: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2005; Он же. Имидж Вооружённых сил России: от психологических исследований к политическим решениям // Политический маркетинг. 2005. № 2; Он же. Сущность и психологическая структура имиджа Вооруженных Сил России // Имиджелогия-2005: феноменология, теория, практика: Материалы междунар. симп. М., 2005. С. 264–265; Давыдов Д., Грабовский И. Имидж Российской армии и мотивация молодежи на прохождение военной службы // Российское военное обозрение. 2006. № 11–12. С. 66–70.
- 18 См.: Смирнов А.И. Факторы формирования доверия к Российской армии // Социс. 2009. № 12. С. 100–108.
- 19 См.: Бурда С.М. Престиж военной службы // Социс. 1999. № 2. С. 63–69; Кокошин А.А. Армия и политика. М., 1995; Куликов А.Н. Моделирование социальных процессов в вооруженных силах // Социс. 1996. № 9. С. 25–29; Певень Л.В. Готовность к военной службе: проблема формирования оборонного сознания российской молодежи // Социс. 1997. № 5. С. 21–26; Соловьев С.С. Трансформация ценностей военной службы // Социс. 1996. № 9. С. 17–25.
- 20 См.: Соловьев С.С. Российские офицеры – опора государственности или источник нестабильности (размышления по поводу динамики уровня жизни семей офицеров) // Социс. 1997. № 5. С. 26–34.
- 21 См.: Анисимов В.М. Гражданский контроль за военными структурами // Полис. 1995. № 4.
- 22 См.: Серебрянников В.В. Армия в общественно-политических взаимодействиях // Социс. 1996. № 4. С. 67–74.
- 23 См.: Серебрянников В.В. Массовое сознание: проблемы войны и армии // Социс. 1999. № 8. С. 39–45.
- 24 См.: Климентьев Р.П. Призыв на военную службу // Социс. 2000. № 10. С. 72–76.
- 25 Шевцов В.В. Отношение школьников и студентов к военной службе // Социс. 2006. № 6. С. 111–113.
- 26 См.: Солнышков А.Ю. Искажения в понимании армейской дедовщины, их причины и практические следствия // Социс. 2009. № 12. С. 108–116.
- 27 См.: Солнышков А.Ю. Социальные причины армейской «дедовщины» // Социс. 2007. № 4. С. 108–114.
- 28 См.: Тарасов С.В. Срочная служба: вопросы адаптации // Социс. 1999. № 2. С. 75–78.
- 29 См.: Гуськов Ю.В. Армия в системе отношений государства и гражданского общества: Дис.... д-ра полит. наук. М., 2005. 301 с.
- 30 См.: Бабанов А.А. Силовые структуры в системе политической власти правового государства (на примере армии и правоохранительных органов). Волгоград, 2004. 184 с.
- 31 См.: Самойлов В.И. Реформирование военной организации российского общества: функциональный подход // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. 2006. № 1. С. 3–23.
- 32 См.: Мосягин И.Г. Отношение контрактников к проблемам и перспективам службы // Социс. 2007. № 9. С. 145–147.
- 33 См.: Поляков Р.Ю. Казарменная субкультура курсантов // Социс. 2009. № 12. С. 117–120.
- 34 См.: Бондалетов В.В. Социально-протестная активность военнослужащих // Социс. 2006. № 11. С. 98–100.